

ПРОЛОГ

Лос-Анджелес, 1987 год

Донна Лэндсмен медленно переводила взгляд своих серо-голубых глаз с одного лица на другое. Она словно пыталась просверлить взглядом трех мужчин, сидевших за овальным полированным столом красного дерева. Двое из них были, пожалуй, самыми влиятельными адвокатами Лос-Анджелеса, третьего, мужчину с мягкими, обходительными манерами, звали Джордж, и он был ее мужем.

— Итак, — нетерпеливо спросила Донна, — долго мне еще ждать? Сколько вам нужно времени, чтобы приобрести контрольный пакет акций киностудии «Пантера»? Вы копаетесь как сонные мухи!

Ей ответил один из адвокатов — мужчина с цветущим лицом, сросшимися кустистыми бровями и носом-картошкой:

— Ты права, Донна, дело действительно затянулось. Хотя, если ты помнишь, я с самого начала был противником этого замысла...

Тяжелый презрительный взгляд Донны заставил его умолкнуть.

— Ты меня плохо расслышал, Финли? — резко проговорила она. — Если — да, то лучше сгинь с глаз моих! Твой пессимизм мне не интересен. Если я чего-то хочу, никто не может сказать мне «нет». А я хочу! Хочу «Пантеру».

Финли кивнул, в душе проклиная себя за то, что вообще открыл рот. Прислушиваться к чьим-либо советам было не в правилах Донны Лэндсмен. Если Донна вбила себе в голову, что должна прибрать к рукам очередную компанию, ее уже ничем не остановить. Эта женщина была настоящим пиратом бизнеса. И именно по этой причине Финли не мог понять маниакального упорства, с каким Донна желала захватить контроль над «Пантерой». Обремененная многочисленными долгами, эта худосочная киностудия по всем статьям находилась в дыре, и ее приобретение уж никак нельзя было бы назвать выгодной сделкой.

— Да, Донна, — наконец осмелился он ответить, — все мы знаем, к чему ты стремишься, и, поверь, стараемся изо всех сил.

— Хотелось бы верить, — холодно откликнулась Донна, мысленно отметив: надо сказать Джорджу, что в ближайшее время им при-

дется заменить как минимум двух адвокатов. Первым за дверью окажется Финли.

Она встала, давая знак, что совещание окончено. Нечего тратить впустую драгоценное время.

Поднялся с места и Джордж. Это был неприметный человек лет пятидесяти, с незапоминающимся лицом, в очках с толстыми линзами и чересчур коротко подстриженными волосами-палками. Ни для кого не было секретом, что в империи Донны он являлся мозгом всех ее финансовых операций. Она горела, словно раскаленная лава, он же олицетворял собой холодный трезвый расчет. Это было идеальное сочетание.

— Увидимся позже, — величественным взмахом руки отпустила мужа Донна.

— Да, дорогая, — ответил тот, ничуть не смутившись ее резкостью.

Из зала совещаний Донна выплыла в свои рабочие апартаменты — впечатляющую анфиладу комнат с восхитительным видом на Сенчури-Сити. Задумавшись, она на секунду задержалась в дверях.

Эти юристы... На что они годны! Только и умеют, что присылать несуразные счета за свои услуги. К счастью, она располагала еще одной командой, способной делать именно то, что ей требовалось. Ее юристы даже представления не имели, как хитро обвела их вокруг пальца Донна. Даже Джордж ничего не знал...

Она улыбнулась своим мыслям.

У каждого есть свои слабости.

Ищи да обрящешь.

Она искала. И — обрела.

Донна вошла в ванную и остановилась у инкрустированного старинного зеркала над раковиной, пристально вглядываясь в собственное отражение. Женщина с тонкими скульптурными чертами лица, гордость хирурга-косметолога! Стройная, носившая костюм от Шанель и бриллианты от Уинстона так, словно в них и родилась.

Она была привлекательна — так, как бывают привлекательны женщины, на которых написано: «Я — очень богата!» Она была привлекательна потому, что твердо решила быть такой.

Донна Лэндсмен.

Донателла Боннатти.

О да! Она прошла долгий путь с того времени, как началась ее чумазая жизнь в маленькой пыльной деревушке, затерянной в юго-восточном уголке Сицилии. Долгий-долгий путь...

Придет день, и она поставит на колени Лаки Сантанджело. Эта сука наконец поймет, с кем имеет дело!

Лаки Сантанджело Голден на своем ярко-красном «Феррари» миновала резные металлические ворота студии «Пантера», приветливо помахала охраннику и, проехав через автостоянку, припарковала машину на своем персональном месте, расположенном прямо позади великолепного офиса киностудии.

Лаки обладала какой-то первобытной красотой. Это была женщина далеко за тридцать, с водопадом вьющихся волос, оливковой кожей, крупным, чувственным ртом, черными, словно ночь, глазами и стройным тренированным телом.

Она управляла «Пантерой» с восемьдесят пятого года — с тех самых пор, как киностудия стала ее собственностью. Прошло уже два наполненных кипучей деятельностью года, а Лаки все еще наслаждалась этой работой, поскольку больше всего любила риск: ей нравилось бросать вызов точно так же, как и принимать его. А разве может быть вызов опаснее, нежели управление голливудской студией!

Это занятие увлекло ее даже больше, чем сооружение в Лас-Вегасе отеля с казино, — а этим ей приходилось заниматься уже дважды, — больше, чем управление судоходной империей своего последнего — второго по счету — мужа. Тогда, помнится, она вообще отстранилась от дел, полностью взвалив их на плечи своих поверенных.

Лаки нравилось делать фильмы. Ей казалось, что таким образом она может прикоснуться не только ко всей Америке, но и к целому миру: оживить на экране какие-то образы, которые затем войдут в жизнь людей в самых разных уголках планеты тысячами различных путей.

Это было непросто. Женщина, заправлявшая одной из ведущих студий, встречала колоссальное противодействие. Особенно — женщина с внешностью Лаки. Особенно — женщина, у которой было так много всего, включая троих детей и мужа-кинозвезду. Всем было прекрасно известно: Голливуд — это большой клуб для мужчин, и женщины в качестве полноправных членов здесь не приветствуются.

Легендарный киномагнат Эйб Пантер продал ей «Пантеру» только после того, как она сумела доказать, на что годится. Для начала он внедрил Лаки в качестве негласного агента, пристроив ее секретаршей к Микки Столли — своему блудному внуку, заправлявшему в то время «Пантерой». Для себя Эйб решил так: если она сумеет разузнать абсолютно все, чем занимается Микки, он продаст ей киностудию.

Лаки разузнала значительно больше того, что было необходимо для выполнения условий сделки. Выяснилось, что Микки спускал колоссальные суммы куда попало. Шеф производственной части нюхал кокаин и поставлял кинозвездам и «особо важным персонам» девочек по две тысячи баксов. Руководитель службы распространения вместе с официальной продукцией «Пантеры» переправлял за границу порнографические ленты, ведя двойную бухгалтерию.

Киноленты, выпускавшиеся «Пантерой», представляли собой смесь разнузданного секса и бессмысленного кровавого насилия, продюсеры отказывались их финансировать, а к женщинам тут относились, как к людям второго сорта, вне зависимости от того, являлись ли они кинозвездами или были никому не известными статистками. Тут правил бал отвратительный мужской шовинизм.

Лаки предложила Эйбу целую кучу денег и, помимо этого, — прекрасный план относительно того, как спасти студию, которая неумолимо катилась вниз.

Эйбу Пантеру понравились ее проекты, и он продал ей студию.

Лаки с энтузиазмом принялась за новое дело.

Эйб предупреждал ее: для того чтобы возродить студию, ей

предстоит пройти через ожесточенную борьбу. Как же он был прав!

Первым делом Лаки отказалась продолжать выпуск того низкопробного дерьма, которое только и выходило из недр «Пантеры». Затем вышвырнула за дверь большинство руководителей, работавших с Микки, подобрав и поставив на их место новую — первоклассную — команду. Следующим ее шагом явилась разработка новых проектов — это было долгое и кропотливое дело, требовавшее немало времени и огромного терпения.

Студия годами работала в убыток и успела залезть в астрономические долги, однако Лаки и ее коммерческому советнику Мортону Шарки пришлось сделать еще один крупный заем для того, чтобы удержать «Пантеру» на плаву. Однако после года разочарований, когда студия потеряла еще почти семьдесят миллионов долларов, Лаки решила, что пришла пора поиграть с пакетом акций и перераспределить кое-какие из собственных капиталовложений. Мортон выдвинул идею продать определенный процент акций некоторым корпорациям и нескольким частным лицам. Эта мысль показалась ей блестящей.

Мортон позаботился обо всем: о том, чтобы найти подходящих инвесторов, которые дали бы денег, но позволили Лаки, как и прежде, управлять киностудией по собственному усмотрению, подобрать совет директоров таким образом, чтобы он не вмешивался в политику «Пантеры», и сделать так, чтобы Лаки по-прежнему принадлежали сорок процентов пакета акций.

На сегодняшний день горевать было не о чем: на подходе находились два новых фильма, и она возлагала на них большие надежды. Первый назывался «Искатель» — весьма зрелищная лента, в которой снялась очень своеобразная актриса — противоречивая, но, без сомнения, суперзвезда — Венера Мария, являвшаяся к тому же одной из лучших подруг Лаки. Второй фильм назывался «Речной шторм» — остросюжетный триллер с Чарли Долларом в главной роли. Особенно Лаки радовалась тому, что обе ленты вполне соответствовали ее собственным критериям. Лаки надеялась, что их выход на экраны и станет наконец тем долгожданным поворотом, о котором она так долго мечтала. «Дайте зрителю ин-

тересный фильм, и он на него пойдет!» — таков был лозунг Лаки Сантанджело.

Она торопливо вошла в свой офис. Первым, кого она увидела, был Киоко — ее преданный помощник, японец по происхождению. Он потряс в воздухе длинным списком телефонных номеров и мрачно покачал головой.

— В чем дело, Ки? — спросила Лаки, снимая жакет от Армани и усаживаясь в удобное кожаное кресло за свой необъятный письменный стол фирмы «Арт Деко».

Киоко стал перечислять дела, требовавшие в тот день внимания Лаки:

— Тебе следует перезвонить по пятнадцати телефонам; затем — совещание по вопросам, связанным с производством «Гангстеров»; в полдень — встреча с Алексом Вудсом и Фредди Леоном; после этого ты даешь интервью репортеру из «Ньюс тайм»; в шесть вечера — встречаешься с Мортонем Шарки, и наконец...

— Надеюсь поужинать дома, — прервала она этот словесный поток. Лаки постоянно жалела только об одном: что в сутках всего двадцать четыре часа.

Однако Киоко с сожалением покачал головой:

— В восемь вечера вылетает твой самолет в Европу. Лимузин заберет тебя из дома не позже семи.

Лаки криво улыбнулась.

— Да, кстати, у тебя будет двадцатиминутный перерыв на ужин. Или на сон. М-м-да... Такое расписание способно прикончить даже слона, — заметил секретарь.

— Все мы, в сущности, мертвецы, Ки, — передернула плечами Лаки. — Так что какой смысл понапрасну терять время?

Киоко не был удивлен ее ответом. Он работал личным секретарем Лаки с тех самых пор, как она стала хозяйкой студии, и знал, что эта женщина — неисправимый трудоголик с неистощимым запасом энергии. Кроме того, она была умнейшей женщиной из всех, которых ему приходилось встречать. Умная и удивительно красивая — ошеломляющее сочетание! С ней ему нравилось работать гораздо больше, нежели со своим прежним боссом — сварливым магнатом, у которого был маленький член и большие проблемы с кокаином.

— Попробуй-ка дозвониться до Ленни по его сотовому телефону, — велела Лаки. — Он звонил мне утром в машину, но связь была такой безобразной, что я не разобрала ни слова.

Ленни Голден, ее единственная любовь! Они были женаты уже четыре года, но, как ни странно, с каждым днем черпали в своем браке все больше радости.

Ленни был ее третьим мужем. Сейчас он находился на Корсике, где снимался новый приключенческий фильм. Три недели разлуки чуть не убили ее, и теперь Лаки с нетерпением ожидала выходящих. Она проведет с ним целых три дня — три пленительных дня, в течение которых не надо будет делать ничего — лишь, обнявшись, бесцельно слоняться по песку и лениво, без спешки заниматься любовью.

Киоко соединился с конторой киностудии на Корсике.

— Ленни сейчас на съемочной площадке, где-то на пляже, — сообщил он Лаки, прикрыв трубку ладонью. — Оставить для него какое-нибудь сообщение?

— Да, пусть перезвонит сразу, как только вернется. И не забудь позвать миссис Голден к телефону, чем бы она ни была занята. — Произнеся слова «миссис Голден», она улыбнулась. Это так восхитительно — быть женой Ленни!

К сожалению, картина, в которой он снимался, принадлежала не «Пантере». Как следует пораскинув мозгами, они оба пришли к выводу, что работа на студии собственной жены была бы не лучшей рекламой для Ленни. Он уже и сам по себе являлся звездой первой величины, а если бы его стала снимать «Пантера», это лишь породило бы сплетни по поводу протекции.

— Соедини меня с Эйбом Пантером.

Время от времени Лаки звонила Эйбу, чтобы посоветоваться с ним по тому или иному вопросу. В свои девяносто лет он являлся подлинной легендой Голливуда. Старик досконально знал здешнюю жизнь и царившие тут нравы, он сам во многом сделал эту «фабрику грез», а его хитрости и быстроте мысли мог бы позавидовать и мужчина вдвое моложе. Каждый раз во время их встреч Пантер щедро делился с ней своей мудростью и оптимизмом, и сейчас, когда на студию со всех сторон давили банки, Лаки как никогда нуждалась в моральной поддержке. Ей хотелось услы-

шать от старика, что теперь, после выхода двух новых громких фильмов, отношение к студии непременно изменится.

Время от времени она навещала его в большом старом особняке. Они садились на просторной террасе, и Эйб рассказывал женщине невероятные истории из давно минувших золотых дней Голливуда. Эйб знал всех — от Чарли Чаплина до Мэрилин Монро, и с огромным удовольствием рассказывал свои удивительные, волшебные повести.

Лаки навестила бы его и сегодня, но, к сожалению, на это не оставалось времени. Ей вряд ли удастся увидеться и со своими детьми — двухлетней Марией и совсем еще крошечным, шестимесячным Джино. От второго — уже покойного — мужа, греческого судовладельца-миллиардера Димитрия Станислопулоса, у нее был еще один ребенок, девятилетний сын Бобби, но тот сейчас проводил лето у родственников в Греции.

— Мистер Пантер не отвечает, — сообщил Киоко.

— Ладно, перезвонишь ему попозже.

Лаки бросила взгляд на фотографии своих детей, выставленные в серебряных рамках на столе. Бобби — такой умница и уже начавший взрослеть, малыш Джино, названный в честь бабушки, и Мария со своими огромными зелеными глазами и самой чудесной в мире улыбкой... Лаки назвала так дочь в честь своей матери.

На несколько секунд она вернулась мыслями в прошлое. Перед ее внутренним взором предстал образ красавицы-матери. Забудет ли она когда-нибудь тот день, когда нашла ее тело плавающим в бассейне! Ее убил заклятый враг отца — Энцио Боннатти. Лаки тогда было пять лет, и ей показалось, что мир вокруг рухнул в одно мгновение.

Двадцать лет спустя она отомстила, прикончив подонка, что заказал убийство ее матери. Это было мстью всей семьи Сантанджело, поскольку именно Боннатти являлся вдохновителем убийств и ее брата Дарио, и юноши по имени Марк — ее первой большой любви.

Лаки застрелила Энцио Боннатти из его собственного револьвера, объяснив это впоследствии необходимостью самообороны. «Он пытался изнасиловать меня», — с каменным лицом заявила

она полиции. И ей поверили, поскольку ее отцом являлся Джино Сантанджело, а у него были деньги, и он знал, где и в какой момент надавить.

Да, она отомстила за всех и никогда потом об этом не жалела.

— Ну что, начнем звонить по телефону? — спросил Киоко, прерывая поток ее воспоминаний.

Лаки бросила взгляд на часы на запястье. Шел уже одиннадцатый час. Несмотря на то что она встала в шесть часов, утро пролетело незаметно. Женщина взяла со стола список телефонов, по которым ей предстояло позвонить. Как и всегда, Киоко расположил их по степени важности — по крайней мере, в соответствии со своими представлениями, и она с ним, как всегда, не согласилась.

— Ты же знаешь, что я с большим удовольствием разговариваю с актерами, нежели со всеми этими зазнавшимися делягами, — напомнила Лаки секретарю. — Так что соедини-ка меня с Чарли Долларом.

— Он, кстати, настаивает на встрече с тобой.

— А в чем дело?

— Ему не нравится, как его изобразили на рекламных афишах «Речного шторма», выпущенных для Европы.

— Почему?

— Говорит, что выглядит на них слишком толстым.

Лаки вздохнула. Ох уж эти звезды со своими вечными капризами!

— Эти афиши... — поколебавшись, начала она. — Их еще не поздно изменить?

— Я уже говорил с рекламным отделом. Изменить можно, но это влетит в кругленькую сумму.

— Но, наверное, не дороже, чем стоит суперзвезда? — с легкой иронией заметила Лаки.

— Как скажешь...

— Ты же знаешь мой подход: сделай их счастливыми, и они вылезут из кожи вон, чтобы получился хороший фильм.

Киоко согласно кивнул. Еще лучше он знал, что спорить с Лаки — занятие совершенно бесполезное.

Ленни Голден ненавидел все это дерьмо, но самое худшее в доле кинозвезды заключалось в том, что он из него просто не вылезал. Как странно люди относятся к чьей-либо славе! Они либо наваливаются на знаменитость восторженной толпой, либо стараются как можно больнее кольнуть. Женщины особенно невыносимы. С первого момента, когда они встречались с Ленни, на уме у них было только одно — как бы затащить его в кровать. И дело заключалось даже не в его персоне — такова была участь всех кинозвезд. Костнер, Редфорд, Уиллис — женщинам было плевать на фамилию, главное, чтобы человек был знаменит.

Ленни научился игнорировать все эти дешевые приманки. Его «эго» не нуждалось в такого рода допинге. Ведь у него была Лаки — самая удивительная женщина в мире! В свои тридцать девять лет Ленни обладал неотразимым мужским обаянием, притягательностью и собственным, неповторимым стилем. Высокий, загорелый, подтянутый, с длинными светлыми волосами и внимательными глазами цвета морской воды, Ленни тщательно следил за собой и ежедневно упражнялся, поддерживая свое тело в превосходной форме.

Вот уже несколько лет, как он был известной кинозвездой и сам не переставал этому удивляться. Всего шесть лет назад Ленни был еще заштатным комедиантом. Он бился за то, чтобы получить хотя бы самую проходную роль, готов был на какую угодно работу, лишь бы сшибить хотя бы несколько баксов. Теперь у него было все, о чем он только мог когда-нибудь мечтать.

Ленни Голден. Сын старого сварливого Джека Голдена — небольшого писаки из Лас-Вегаса — и Неукротимой Алисы. Его мать еще называли Пьяницей Алисой, поскольку в свое время она была одной из самых известных стриптизерок Вегаса, выступавшей по схеме «вот-их-видишь, вот-их-нет».

Сам он сбежал в Нью-Йорк, когда ему стукнуло семнадцать, и с тех пор шел по жизни, ни разу не обратившись к родителям за помощью. Отец его давно умер, но Алиса по-прежнему устраивала переполох всюду, где только ни появлялась. В шестьдесят семь лет, резвая и с обесцвеченными, как у юной старлетки, волосами, она никак не хотела смириться с мыслью о старости, поэтому

единственной причиной, по которой она признавала в Ленни собственного сына, являлась его слава. «Я вышла замуж совсем еще ребенком, — бессовестно лгала она собеседникам, хлопая накладными ресницами и кривя сильно покрашенные губы в горестную улыбку. — Я родила Ленни в двенадцать лет!»

Он купил ей маленький домик в Шерман-Оукс, и Алиса тут же развила кипучую деятельность на новом месте. Она решила, что коли уж ей не суждено стать звездой, то она должна стать чем-то вроде духовника всех окрестностей. Мысль оказалась удачной. К вящему изумлению Ленни, мать начала регулярно появляться в программах местного кабельного телевидения и болтать что бог на душу положит. После этого он нередко стал за глаза называть ее «моя мамочка-трепло».

Иногда последние годы его жизни казались Ленни одним большим счастливым сном — его женитьба на Лаки, головокружительная карьера... Абсолютно все!

Откинувшись на спинку кресла, он сузил глаза и обвел пляж внимательным взглядом. Опять она! Блондинка в купальнике усердно демонстрировала ему свои пышные прелести. Она уже несколько раз продефилировала мимо его кресла с явным намерением быть замеченной.

Конечно же, Ленни ее заметил, ведь не покойником же он был, в самом деле, а всего лишь — женатым мужчиной, и когда-то блондиночки с телом, ради которого можно умереть, были и его слабостью. Еще раньше, утром, она попросила разрешения сфотографироваться вместе с ним, но Ленни вежливо отказался: фотографии знаменитостей, особенно в обнимку со смазливymi поклонницами, обладали малоприятной тенденцией — рано или поздно появляться в бульварных газетенках.

Сообразив, чем вызван отказ, девица удалилась и через несколько минут вернулась с накачанным культуристом, не знавшим ни слова по-английски.

— Мой жених, — с ослепительной улыбкой пояснила она. — Ну, пожалуйста...

После этого Ленни сломался и позволил сфотографировать их троих.

Теперь блондинка делала новый заход. Длинные ноги, упру-

гие круглые ягодичы в купальных трусиках-ниточках, твердые груди с сосками, выпирающими сквозь тонкую ткань... Смотрелось неплохо, но двигаться дальше в том же направлении ему представлялось излишним.

Брак — это предприятие со взаимными обязательствами. Если бы Лаки ему изменила, он ни за что бы ее не простил, и, в свою очередь, Ленни был уверен, что жена придерживается таких же взглядов.

Блондинка наконец перешла в пике.

— Мистер Голден, — проворковала она голосом, несомненно позаимствованным у Мерилин Монро, но с французским акцентом, — мне очень нравятся ваши фильмы. Какой было бы честью появиться в одном из них вместе с вами! — Глубокий вздох. Соски рвутся наружу.

— Благодарю, — пробубнил Ленни, размышляя, куда же, к черту, запропастился этот ее жених.

Обожающее хихиканье. Маленький розовый язычок на секунду высунулся, чтобы облизать пухлые розовые губы.

— Это я должна вас отблагодарить.

В ее горящих глазах светилось недвусмысленное приглашение в койку.

К счастью, в этот самый миг явилось избавление в лице Дженнифер, симпатичной американки, работавшей на фильме вторым ассистентом. На ней были шорты, тесная футболка и бейсбольная кепка с эмблемой команды «Лейкерз». Соблазны просто окружали его!

— Мак готов к репетиции, Ленни, — голосом собственницы проговорила Дженнифер.

Он выдернул свое длинное тело из кресла и выпрямился, в то время как Дженнифер многозначительным пристальным взглядом навсегда похоронила блондинку.

— Оставайся с остальной массовкой, дорогая, — специфическим скрипучим голосом проговорила она. — Кто знает, когда ты можешь понадобится.

Стертая в порошок блондинка горестно ретировалась.

— Силиконовое чучело! — недовольно пробормотала Дженнифер.

— А ты откуда знаешь? — спросил Ленни. Его всегда удивляла способность женщин безошибочно определять, какая у соперницы грудь — настоящая или искусственная.

— Да это же очевидно! — пренебрежительно бросила ассистентка. — Вы, мужчины, западаете на все, что угодно.

— Кто это западает? — удивленно переспросил Ленни.

— Ну, к тебе это, может, и не относится, — смиловилась Дженнифер, одарив его дружелюбной улыбкой. — Не часто приходится работать со знаменитостью вроде тебя, которая не считаетывает ежедневно вместе с утренним кофе получать на завтрак накачанные силиконом сиськи.

Дженнифер, решил Ленни, принадлежит к той же породе, что и Лаки.

При мысли о жене он не смог удержаться от улыбки.

Жесткая внешне и мягкая внутри. Убийственно величественная. Сильная, упрямая, чувственная, умная, незащитная и сумасшедшая Лаки... Поистине взрывчатая смесь!

Однажды он уже был женат. Недолгий брак связал его в Лас-Вегасе с Олимпией Станислопулос — своенравной дочерью Дмитрия Станислопулоса, который тогда был женат на Лаки.

Жизнь Олимпии оборвалась трагически. Запершись в гостиничном номере со звездой рок-н-ролла, законченным наркоманом по имени Флэш, она до смерти накачалась героином.

Станислопулос не смог пережить этот удар, и вскоре после его смерти Ленни и Лаки были вместе — так, как и должно было быть с самого начала.

У Олимпии осталась дочь Бриджит. Сейчас ей было девятнадцать, и она являлась одной из богатейших девушек в мире. Ленни чрезвычайно ею гордился, хотя и виделся с падчерицей гораздо реже, чем ему бы хотелось.

— Я хочу, чтобы ты познакомилась с Лаки, когда она придет, — сказал он, обращаясь к Дженнифер. — Она тебе понравится, ты ей — тоже. Решено?

— Какой у нее может быть ко мне интерес, Ленни?! Она же командует целой студией, а я — всего лишь второй ассистент.

— Лаки на это плевать. Она любит людей за то, что они собой представляют, а не за то, чем заняты.

— Ну, если ты так думаешь...

— Кроме того, — продолжил Ленни, желая придать девушке уверенности в себе, — в том, чтобы быть вторым ассистентом, нет ничего плохого. Ты же только начинаешь свой путь наверх. Настанет день, и ты тоже станешь большим боссом! Устраивает тебя такой план?

Дженнифер кивнула.

— Я договорилась о машине, которая встретит твою жену завтра утром в аэропорту Поретта, — сказала она, переходя на деловой тон.

— А внутри буду я, — с удовольствием добавил Ленни.

— Если у тебя не будет съемок.

— Ничего, как-нибудь без меня обойдётся.

— Ты — в каждом кадре.

— Не ври.

— Я никогда не вру.

Да, эта девушка определенно понравится Лаки.

2

У Алекса Вудса была улыбка крокодила — широкая, пленительная и леденящая душу. Она являлась его основным оружием в борьбе с киношной братией, с которой он был вынужден общаться каждый день. Она помогала заставить этот народец врасплох и склонить на свою сторону традиционно хрупкий баланс сил, существовавший в «роковом треугольнике» сценарист — режиссер — продюсер, а также подчинить своей воле киношных начальников, способных погубить любого режиссера, каким бы известным или талантливым он ни был.

С помощью своей убийственной улыбки Алекс Вудс сумел поставить и выпустить в свет шесть весьма неоднозначных шедевров по собственным сценариям, насквозь пропитанным сексом и насилием. Шедеврами их называл сам Алекс, с которым, правда, соглашались далеко не все. Хотя его фильмы неизменно представлялись на получение премии «Оскар», ни один из них так и не был ее удостоен. Это выбивало его из колеи. Алекс мечтал о признании, а ему не давали этой вонючей премии ни по одной из но-

минаций! А он просто грезил о том, чтобы заполучить эту чертову статуэтку. Он мечтал поставить ее на шкаф в своем спроектированном Ричардом Мейером особняке и иметь возможность при случае засунуть в задницу любому кретину — конечно, в переносном смысле.

Алекс был не женат и в свои сорок семь лет имел высокую, стройную фигуру, какую-то мрачную привлекательность темных глаз, густые брови и жесткую линию скул. Еще ни одной женщине не удавалось прижать его к ногтю. Он вообще не признавал американок, предпочитая партнерш восточного происхождения. Больше всего он ценил в них покорность, желая чувствовать себя во время занятий любовью полноправным повелителем и властелином.

На самом же деле Алекс испытывал подсознательный страх перед женщинами, которых в той или иной степени имел основания считать равными себе. Страх этот брал начало из самого детства, а у истоков его стояла мать. Властная француженка по имени Доминик, она раньше срока загнала в могилу Гордона Вудса — отца Алекса и достаточно известного киноактера, чьей специализацией было амплуа «лучшего друга», — когда их сыну было всего одиннадцать лет. Потом говорили, что причиной его смерти стал инфаркт, но Алекс-то знал, как было на самом деле! Он неоднократно становился свидетелем бешеных стычек между родителями и знал, что отца убил ее беспощадный язык. Его мать была холодной и расчетливой женщиной. Она намеренно сделала так, что при любом удобном случае муж стал искать утешение в бутылке. Смерть пришла к нему благословенным избавлением.

Вскоре после похорон мужа мадам Вудс отослала Алекса в военное училище, где царил палочная дисциплина. «Ты глуп — в точности, как твой отец, — было ее напутствием сыну. — Возможно, это заставит тебя поумнеть».

Военное училище стало для мальчика ежедневным кошмаром. Он возненавидел каждую проведенную там минуту и бесчеловечные правила. Впрочем, это никого не волновало. Если Алексу приходило в голову пожаловаться матери на побои и отсидки в карцере, она требовала, чтобы он «прекратил ныть и стал наконец мужчиной». Его заставили мучиться в этом жутком месте це-

лых пять лет. Каникулы он проводил с дедом и бабушкой в Пасифик-Пэлисайдс, в то время как Доминик разнообразила свой досуг с многочисленными ухажерами, начисто забыв о существовании сына. Однажды он застал ее в постели с мужчиной, которого она потребовала называть «дядей Вилли». Дядя Вилли лежал на спине, устремив в потолок огромный вздыбленный член, а совершенно обнаженная мама Алекса стояла на коленях возле постели.

Эту картину он запомнил навсегда.

К тому времени как Алекс вышел из стен училища и впервые ощутил вкус свободы, в нем уже накопилась неимоверная злость. В то время как его сверстники в беззаботном танцевальном ритме двигались по жизни, оканчивая колледжи, трахаясь с аппетитными девочками, что размахивают ленточками на стадионах, впервые напиваясь и пробуя наркотики, Алекса за какие-то смехотворные провинности запирали в карцер без окон или, стащив штаны, больно хлестали по заднице — только за то, что он не так на кого-то посмотрел. Иногда ему приходилось проводить в одиночке по десять часов кряду, не имея никакого другого занятия, кроме как сидеть на голой деревянной скамье и тупо таращиться в стену. пытка для ненужных своим родителям богатых сынков.

Алекс часто думал о годах, вычеркнутых из его юности, и тогда его переполняло бешенство. Он даже с женщиной впервые переспал лишь после окончания колледжа, да и то его до сих пор мутило при одном воспоминании об этом! Грязная шлюха в Тихуане, от которой воняло тухлыми мексиканскими блинчиками и даже кое-чем похуже. После этого первого опыта Алекс был переполнен таким отвращением, что даже не пытался больше заниматься сексом еще в течение целого года. Во второй раз, правда, было получше. Парень учился на кинематографическом факультете университета Южной Каролины, был серьезным молодым блондином и, ценив расцветающий талант Алекса, дважды в день в течение шести месяцев предоставлял в его распоряжение свой рот... Очень мило, но недостаточно для подлинного удовлетворения.

Через некоторое время Алексом овладело зовущее куда-то беспокойство, и в одну из пьяных ночей он завербовался в армию.

Его послали во Вьетнам, где он провел два чудовищных года — воспоминания о них будут преследовать его до конца жизни.

В Лос-Анджелес Алекс вернулся уже другим человеком — неприкаянным и озлобленным. Он постоянно кипел и в любой момент был готов взорваться. Через две недели он уехал в Нью-Йорк, оставив матери короткую записку с обещанием объявиться.

Ах, мечь... За прошедшие пять лет он не звонил матери ни разу, а она, насколько ему было известно, даже ни разу никого не расспросила о сыне. Когда же Алекс наконец позвонил, Доминик говорила с ним так, будто в последний раз они виделись на прошлой неделе. Мадам Вудс не признавала сентиментального трепса.

«Надеюсь, ты работаешь, — проговорила она холодным, как сухой лед, голосом. — Потому что от меня ты подачек не дождешься».

Вот уж удивила!

Да, мамуля, тружусь. Целых два месяца драл себе задницу, чтобы заработать хотя бы на корку хлеба. Открывал двери в дешевом стриптиз-клубе. Искал клиентов для слишком занятой проститутки. Рубил туши на мясозаводе. Водил такси. Рулил шофером у дегенерата — директора театра. Служил телохранителем у бандита. Жил альфонсом у богатой старухи, которая очень напоминала мне тебя. Был управляющим игорным притоном. Работал помощником издателя дешевых книжонок — порнухи и ужасов. И вот, наконец, большой прорыв — написал сценарий и лично поставил порнографический фильм для старого и очень развратного мафиози. Тугие пьськи. Здоровые болты. Очень эротичное порно. Из того, которое на самом деле заводит мужиков. И — неплохой сценарий. На очереди — Голливуд. Там знают толк в хорошей порнухе.

«Я еду на побережье, — ответил он. — «Юниверсал» пригласила меня написать сценарий и поставить для них фильм».

Черт побери! Это не произвело на нее никакого впечатления. Честное слово! Последовала долгая пауза. «Позвони мне оттуда». И на этом — все.

Его мамаша была еще той бабой. Неудивительно, что он не доверял женщинам.

Восемнадцать лет отделяли Алекса от той поры. Сейчас все

было иначе. Мадам Вудс постарела и стала мудрее. Он — тоже. Существовавшие между ними отношения до сих пор строились по схеме «я тебя люблю, я тебя ненавижу». Он любил ее, поскольку она была его матерью, а ненавидел — потому что она оставалась последней сукой. Временами они вместе ужинали, и для Алекса не было тяжелее наказания, чем эти вечера.

За прошедшие восемнадцать лет карьера его совершила головокружительный взлет. От низкооплачиваемого «безмозглого» он поднялся почти на самую вершину, завоевав репутацию рискованного, склонного к экспериментам и оригинального создателя картин. Это было нелегко, но Алекс этого добился и теперь был горд.

Было бы, конечно, хорошо, если бы подобное чувство разделяла и его мать, однако она никогда не хвалила сына, а вот упреки и поругания слетали с ее ярко накрашенных губ с такой же легкостью, что и прежде. А вот если бы был жив отец, Алекс не сомневался, что тот гордился бы им и поддерживал во всех начинаниях.

Сейчас у него была назначена встреча с Лаки Сантанджело, нынешней главой киностудии «Пантера». Алексу претило идти к женщине, чтобы защищать свой последний проект — ленту под названием «Гангстеры». Он, черт побери, не какое-нибудь дерьмо, а Алекс Вудс и не намерен целовать всякую задницу — особенно какой-то там бабе, которая известна своенравным характером!

С фильмами Алекса Вудса еще никогда такого не случалось.

Он хотел от Лаки только одного — чтобы ее студия вложила в его картину деньги, которые в самый последний момент отобрала кинокомпания «Парамаунт». Они подложили ему такую свинью, сославшись на то, что в «Гангстерах» было чересчур много безжалостного насилия. Но, черт подери! Он же снимал картину о Лас-Вегасе пятидесятых! А что там было в те годы? Бандюги, шулера и игроки. Насилие являлось их образом жизни!

Алекс ненавидел подобное фарисейство. Его принципом было говорить одну лишь правду и ничего, кроме правды. Именно это он и делал в своих фильмах. Его творчество вызывало очень противоречивые отклики — либо безудержное славословие, либо площадную брань. Его фильмы заставляли людей задумываться, а иногда это бывает опасным.

Когда «Парамаунт» закрыл перед ним свои двери, его агент Фредди Леон предложил отнести «Гангстеров» в «Пантеру».

— Лаки Сантанджело примет твой фильм, — уверил он Алекса. — Я знаю Лаки, а эта история как раз в ее духе. Кроме того, ей нужно во что бы то ни стало выпустить на экраны хит.

Алекс надеялся, что Фредди прав. Больше всего на свете он не любил ждать и бывал счастлив только тогда, когда его целиком захватывало создание очередной картины. Безостановочная деятельность являлась состоянием его души.

Фредди высказал мнение, что перед тем, как идти на беседу к Лаки, им следует поговорить, и предложил встретиться в ресторане «Фор сизонс».

Алекс оделся во все черное — начиная с футболки и заканчивая кроссовками, а затем сел за руль своего черного «Порше-Карреры» и отправился в ресторан. Фредди уже сидел за столиком, листая номер «Уолл-стрит джорнэл». Сейчас он скорее походил на банкира, нежели на агента.

Фредди был церемонным мужчиной, которому недавно перешло за сорок, с вкрадчивой улыбкой и неизменным выражением располагающего внимания на лице. Он был не просто каким-нибудь агентшкой. Он был Импресарио с большой буквы, мистером Всемогущим. Он вершил судьбы и с такой же легкостью умел их разрушать. Чтобы заслужить подобную репутацию, Фредди пришлось немало потрудиться. В Голливуде его прозвали Змей — этот человек мог проползти в любую сделку и так же незаметно выползти из нее. Правда, ни у кого еще не повернулся язык назвать его так в глаза.

Алекс скользнул за столик. В тот же момент рядом с ним возникла официантка и налила в чашку крепкий черный кофе. Сделав быстрый глоток и обжегши язык, Алекс громко выругался:

— Черт!

— Доброе утро, — вежливо произнес Фредди, опуская газету.

— С какой стати ты считаешь, что «Пантера» клюнет на «Гангстеров»? — нетерпеливо и без предисловий спросил Алекс.

— Я тебе уже сказал: «Пантере» нужен этот фильм, — невозможно откликнулся Фредди. — А Лаки наверняка понравится сценарий.

— Почему?

— Потому что такова ее подноготная, — таким же ровным голосом продолжал говорить Фредди, умолкнув на секунду, чтобы сделать глоток травяного чаю. — Когда-то давным-давно ее отец построил в Вегасе отель. Джино Сантанджело... Еще тот был тип, доложу я тебе.

От удивления Алекс подался вперед.

— Джино Сантанджело — ее отец? — воскликнул он.

— Вот именно. Один из тех самых гангстеров, о которых ты пишешь. Сколотил себе состояние, а потом отошел от дел. Кстати, Лаки и сама строила отели в Вегасе — «Маджириано» и «Сантанджело». Она лучше других сможет оценить твой сценарий.

Алексу приходилось слышать о Джино Сантанджело — тот хотя и не был гангстером такого полета, как Багси Сигал или другие бандиты, завоевавшие себе мировую славу, но все же в свое время оставил заметный след в уголовном мире.

— Говорят, Джино назвал свою дочь в честь Лаки Лючиано¹, — добавил Фредди. — Да у нее самой-то, судя по разговорам, жизнь тоже была будь здоров!

Вопреки собственной воле, Алекс почувствовал себя заинтригованным. Значит, Лаки Сантанджело — не просто какая-то жопастая, невесть откуда взявшаяся бабенка! За ней стояла целая история, ведь она была Сантанджело! Почему же он раньше не связал ее фамилию с фамилией известного гангстера?

Тремя большими глотками он допил свой кофе и подумал, что эта встреча может оказаться куда интереснее, чем ему думалось поначалу.

Японские банкиры были весьма корректны и обходительны. Встреча прошла успешно, хотя Лаки и чувствовала: они не в восторге от того, что дела приходится вести с женщиной. Ох уж эти мужчины! И когда только они расслабятся и осознают, что их жизнь вовсе не является одним большим соревнованием с женщинами!

¹ Знаменитый американский гангстер. (Здесь и далее прим. пер.)

Японские банкиры были нужны ей, чтобы получить деньги на открытие по всему миру сети фирменных магазинов «Пантеры». Торговля шла бойко, и Лаки знала: чтобы дела пошли как надо, нужен лишь один умный и вовремя сделанный шаг.

Поначалу, когда Лаки пыталась растолковать им свою стратегию маркетинга, банкиры не поспевали за ходом ее мыслей, но перед уходом уже, казалось, были готовы сказать «да» и обещали сообщить о своем окончательном решении через несколько дней. Как только они удалились, Лаки позвонила отцу в его имение в Палм-Спрингс. Голос Джино звучал бодро. Иначе и быть не могло! Ведь хотя старику уже стукнуло восемьдесят один, он, подобно Эйбу Пантеру, был женат на женщине чуть ли не вдвое моложе его. Пейдж Уилер — рыжеволосая и сексуальная художник-дизайнер — опекала его на славу. Впрочем, Джино вовсе не нуждался в каком-то особом уходе. Наоборот, он был энергичнее многих мужчин помоложе, полон задора и жизненных сил, направляя их на биржевую игру — хобби, которое поднимало его с постели в шесть утра и весь день держало на ногах.

Лаки закончила разговор обещанием навестить отца в самое ближайшее время.

— Не сомневаюсь, что так ты и сделаешь, — хрипло сказал Джино. — И привези с собой малышей. Пора мне их кое-чему научить.

— Чему, например? — поинтересовалась Лаки.

— Тому, что тебя не касается.

Лаки улыбнулась. Отец — в своем репертуаре. У них бывали плохие времена, когда она ненавидела его всем своим пылающим сердцем. А вот теперь — с такой же силой любила. Ведь им так много пришлось пережить вместе! К счастью, это только закалило обоих.

Она помнила, как после шестнадцатилетия дочери он отправил ее в изгнание, сослав в частную школу в Швейцарии, а затем — наказал, когда, не выдержав царившей там строгой дисциплины, она сбежала из пансиона. Наказание заключалось в том, что Джино помимо воли дочери выдал ее за Крейвена Ричмонда, занудного сына сенатора Питера Ричмонда. Какой же это был кошмар! Однако Лаки не собиралась надолго задерживаться в

этом капкане. Как только Джино бежал из Америки, спасаясь от тюрьмы за неуплату налогов, она воспользовалась этой возможностью и продолжила семейный бизнес. Отец ожидал, что это сделает ее брат Дарио, но тот не был деловым человеком, и поэтому Лаки самостоятельно довела до конца строительство нового отеля, начатое отцом в Вегасе, блистательно продемонстрировав, на что способна. Затем Джино снова вернулся в Америку, и между ними произошла грандиозная схватка за контроль над семейным бизнесом. Одержатъ верх не удалось никому, и со временем они заключили перемирие.

Все это было в прошлом. Отец и дочь были слишком похожи, чтобы враждовать.

После разговора с Джино Лаки поторопилась в конференц-зал. Прежде чем встречаться с Фредди Леоном и Алексом Вудсом, ей предстояло провести короткое производственное совещание. Лаки уже решила дать «Гангстерам» зеленый свет. Прочитав сценарий, она нашла его блестящим. Алекс Вудс был и впрямь классным сценаристом!

Выяснив мнение каждого из членов своей команды, Лаки испытала неподдельное удовлетворение: все они без исключения разделяли ее точку зрения по поводу того, что «Пантеры» необходимо двигаться вперед. Ее соратники, убедилась Лаки, сходятся во мнении, что этот фильм необходимо запускать в производство, поскольку он сможет принести студии большие деньги. Да, Алекс Вудс был скандальным и опасным киношником, но все знали — если он за что-то взялся, значит, игра стоит свеч.

С этим согласились все ведущие сотрудники «Пантеры» — руководители производственной части, ответственные за распространение кинопродукции в Америке и за границей, а также специалисты по маркетингу. Это были самые доверенные люди Лаки Сантанджело, и после недолгого совещания она уже нисколько не сомневалась в том, что следующую картину ждет большой успех.

Лаки вернулась в свой кабинет и собралась звонить в Англию, своему брату Стивену, недавно перебравшемуся туда со всей семьей, однако в этот момент в дверь просунулась голова Киоко.

— Фредди Леон и Алекс Вудс уже здесь, — сообщил он. — Сказать им, чтобы подождали?

Лаки бросила взгляд на циферблат стоявших на ее столе часов от Картье. Это был подарок Ленни. Они показывали ровно полдень. Женщина положила телефонную трубку на место, напомнив себе не забыть позвонить Стивену потом.

— Пусть заходят, — велела она секретарю, памятуя о том, что влиятельные и надежные люди не должны заставлять себя ждать — никогда и никого.

Первым в кабинете возник Фредди — с обычной вежливой миной на лице и ничего не выражающим взглядом серо-стальных глаз.

Лаки встала, чтобы поздороваться с великим импресарио. Ей импонировали его деловитость и прагматичный подход к любому предприятию, за которое он брался. Фредди не признавал пустого трепа. Если у него было к кому-то дело, он сразу брал быка за рога.

Вслед за ним в кабинет вошел Алекс Вудс. Прежде она никогда не встречалась с этим знаменитым человеком, однако много читала о нем, а также видела его фотографии в газетах и журналах.

Однако теперь ей пришлось убедиться, что снимки не давали подлинного представления о Вудсе. Он был высок, хорошо сложен, от него веяло силой, а на губах его бродила улыбка убийцы, которую он немедленно ей адресовал.

На какую-то долю секунды женщина была ошеломлена. Такое редко случалось с Лаки, но сейчас она почувствовала себя беззащитной, словно девчонка. Ни с того ни с сего Лаки вдруг почувдилось, что ей снова семнадцать, и она набирает «горячий»¹ телефон. За то время, пока она была одинока, Лаки набирала эти телефонные номера столько раз, что другой бы хватило на несколько жизней.

Фредди представил их друг другу, и они обменялись рукопожатием. Хватка у Алекса была крепкой и сильной — сразу видно: надежный человек.

Наконец Лаки выдернула пальцы из его ладони и заговорила — возможно, чересчур торопливо, — откидывая назад свои длинные темные волосы:

¹ Имеется в виду «секс по телефону».

— Э-э-э... мистер Вудс, рада наконец познакомиться с вами. Я большая поклонница вашего творчества.

«М-м-м... — внутренне промычала она от охватившего ее мучительного стыда. Сказала и впрямь как онемевшая от восторга поклонница». Что с ней творится? Почему она так себя ведет? Лаки не понимала, что с ней происходит.

Алекс снова пустил в ход свою улыбку. Ему хотелось выиграть время, чтобы хоть немного посмаковать удивительную красоту этой женщины. Она на самом деле была ослепительна, причем как-то по-особому. Все в ней было предельно чувственным — от копны выющихся волос до пронизательных черных глаз и полных мягких губ. Губ, которые так и звали в постель.

Уже в следующий момент Алекс поймал себя на том, что ощущает глазами ее округлые груди, укрытые белой шелковой блузкой. На Лаки не было бюстгалтера, и мужчина смутно различал под тканью темные окружности ее сосков. «А носит ли она вообще нижнее белье?» — подумалось ему.

Господи, да что же это происходит! У него ведь уже наполовину встал... Почему Фредди не предупредил его о том, что она — такая!

Что же касается Лаки, то она прекрасно понимала состояние своего посетителя и, желая настроиться на деловой лад, предложила:

— Прошу вас садиться.

Фредди то ли не замечал, то ли был равнодушен к разлившемуся в комнате сексуальному напряжению. Он пришел сюда по делу, а на все остальное ему было плевать. Речь из сахарных уст гладкого импресарио потекла подобно нектару.

— «Пантере» необходим такой человек, как Алекс Вудс, — начал он. — С моей стороны было бы излишним напоминать тебе, сколько раз его фильмы выдвигались на соискание «Оскара».

— Я прекрасно осведомлена о впечатляющих достижениях мистера Вудса, — ответила Лаки, — и работа с ним будет для нас подлинным удовольствием. Тем не менее, насколько мне известно, расходы на производство «Гангстеров» должны составить почти двадцать миллионов. Это колоссальная сумма!

У Фредди был готов ответ на любое возражение.

— Только не в его случае, — ровным голосом ответил он. — Фильмы Алекса неизменно приносят доходы.

— Если, конечно, правильно подобран актерский состав, — вставила Лаки.

— Алекс подбирает актеров безупречно. Кроме того, ему не нужны звезды — зритель идет на него самого.

Алекс наклонился вперед.

— Вы прочитали сценарий? — спросил он, не сводя с Лаки пристального взгляда.

Женщина спокойно встретилась с ним глазами. Она понимала, что он ожидает комплимента. Она знала также, что лучшая тактика сейчас — не оправдать его ожиданий.

— Да, прочитала, — не моргнув, ответила Лаки. — Он жесток, но правдив. — Помолчав несколько мгновений, она продолжила: — Мой отец Джино находился в Вегасе как раз в то время, о котором вы пишете. Кстати, это именно он построил отель «Мираж». Вам, может быть, было бы интересно встретиться с ним.

Алекс не отводил взгляда от ее глаз.

— Я бы очень этого хотел.

Лаки тоже не хотелось проявить слабость и первой опустить глаза.

— Хорошо, я устрою это, — холодно ответила она. Их реплики звучали обыденно — так, словно они сейчас вовсе и не схлестнулись в поединке взглядов, подсознательно оценивая силы друг друга. — Он живет в Палм-Спрингс.

— Готов отправиться туда в любое время, которое вы назовете.

— Итак, — вмешался Фредди, чувствуя, что разговор подходит к концу, — можно считать, что наша сделка состоялась?

— Более или менее, — ответила Лаки, переключив внимание на Леона и тут же взбеленившись на саму себя за то, что первой отвела взгляд и, стало быть, проиграла дуэль Алексу.

Фредди не обратил внимания на то, что ее ответ прозвучал довольно неопределенно.

— Это беспроигрышная игра, — с энтузиазмом пророчил он. — Студия «Пантера» представляет «Гангстеров» Алекса Вудса! Я уже чувствую, как в воздухе запахло «Оскаром»...